

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

К проблеме анализа крупных массивов текстов – применение прикладного анализа политического дискурса

© *Dr rer. pol. Якоб Фрухтманн, 2004*

Резюме

Предлагаемый семасиологический метод анализа призван выявить значение политического дискурса, исходя из его речевого выражения. Целью анализа является получение методологически обоснованных данных о значении политического дискурса, т. е. о концепциях политических актеров, которые он передает.

Значения дискурса (концепции) состоят из структурных элементов дискурса и их отношений друг к другу. Следовательно, чтобы выявить концепции, скрывающиеся за политическим дискурсом, необходимо выявить элементы дискурса и их внутренние связи.

С точки зрения лингвистики здесь необходимо решить проблему изучения большого количества текстов. Мы предлагаем сократить общее количество релевантных текстов до упорядоченного корпуса наиболее содержательных высказываний, который затем может быть разобран средствами анализа текста. В центре такого анализа стоит выявление дискурсивной когерентности. В результате будут раскрыты основополагающие категории политического дискурса, а также их разные аспекты и элементы.

Таким образом, метод позволяет выявить систематические соотношения между высказываниями представителей конкурирующих точек зрения.

Введение

Факты и действия, которых касаются политические дискурсы, можно разделить на (предшествующие дискурсу, заданные) предпосылки и (следующие за дискурсом или одновременные с ним) политические мероприятия. Как правило, это неудовлетворенность политического актера (группы актеров) ситуацией, неудовлетворенность «данностью», что дает актеру повод заново развить дискурс и таким образом ввести новые действия, целью которых является изменение сложившейся ситуации. При этом политическая борьба за гегемонию в дискурсе играет важнейшую роль¹.

---

¹ Дискурсивная гегемония присутствует в политическом дискурсе в том случае, если условием участия актера в дискурсе служит негласное или эксплицитное принятие им определенных основополагающих категорий дискурса (см. ниже). Дискурсивная гегемония не означает, что существуют только однородные и однонаправленные высказыва-

Поэтому прикладной анализ политического дискурса претендует не только на «изолированное» изучение отдельных высказываний политических актеров, но и требует соединения этого анализа с ситуативным, акциональным и дискурсивным контекстами высказываний. При этом необходимо показать:

- а) какие факты воспринимаются в политических концепциях актеров как побуждение к действию;
- б) как соотносятся акциональный и вербальный контексты их политики, и насколько они соответствуют друг другу (насколько, так сказать, «слово» соответствует «делу»);
- в) как пострадавшие от действий группы актеров-инициаторов реагируют на их дискурсивную атаку и в связи с этим
- г) как и в какой степени актеры-инициаторы завоюют дискурсивную гегемонию над общественностью; и наконец,
- д) появляются ли в результате новые, измененные, политические реалии.

Таким образом, прикладной анализ политического дискурса практически соответствует в области политики требованиям «анализа диспозитива»².

Аспекты анализа политического дискурса не могут быть представлены здесь во всей полноте³. Предметом настоящей статьи является методологическое решение частной проблемы, которая появляется при использовании данного метода и имеет лингвистическую природу: как могут быть выявлены методологически точно и убедительно политические концепции одного или группы политических актеров на материале большого количества политических высказываний? Выяснение политических концепций в *любом* случае требует изучения политического языка. Поэтому понятно использование лингвистических методов⁴.

ния. Но она ставит перед актерами вопрос, как при таких условиях можно вписать в дискурс их различающиеся интересы. Понятие гегемонии восходит к Грамши, ср. Gramsci 1983. О понятии дискурсивной гегемонии см. также Laclau/Mouffe 1995.

² Диспозитив (франц. *dispositif*) – совокупность дискурса и его акционального и ситуационального контекстов. Йегер, опираясь на Фуко, так определяет диспозитив: «Так как знание является основой действий (и речевых действий в том числе – Я.Ф.) и оформлением действительности, напрашивается анализировать не только дискурсивные практики, но и недискурсивные и так называемые очевидности/наглядности, а также их взаимоотношения. Это взаимодействие я вместе с Фуко называю диспозитивом» (Jäger 2001b:93). Подобный анализ Йегер называет анализом диспозитива. Однако на сегодня необходимая методика еще не разработана подробно. Предлагаемый нами прикладной анализ политического дискурса можно рассматривать как применение такого анализа диспозитива.

³ Настоящая статья охватывает часть исследования, в котором средствами прикладного анализа политического дискурса исследовался современный российский дискурс о федерализме. Полный вариант см. в Fruchtmann 2003. Приводимые здесь конкретные примеры основаны на этой работе.

⁴ Политологические анализы часто бывают ориентированы на анализ языка, ср. например Windhoff-Héritier 1987 или Hartwich 1985. Одновременно в лингвистике предпри-

Предмет и цель анализа политического дискурса

На вербальном уровне высказывания политические дискурсы представляют собой только ограниченное лингвистическими и, в первую очередь, внелингвистическими параметрами языковое единство, множество текстов: Политические дискурсы – это виртуальные тематически взаимосвязанные и/или имеющие взаимные отсылки корпусы вербального общения политических актеров, касающегося политической реальности и действий⁵.

Значение политического дискурса позволяет понять политическое отношение говорящих к политическим реалиям и действиям, их политические концепции. Под политическими концепциями политических актеров мы понимаем совокупность их восприятий, связанных с политической реальностью и лежащих в основе политических действий, их целевых установок и (стратегических) подходов, которые можно выявить из их высказываний.

Задача анализа состоит в осмысленном применении лингвистических методов для выявления концепции определенных политических актеров или их групп по определенной теме (области политики) на материале большого количества текстов, в которых она выражена.

Аналогично методу анализа текста, представленному в 80-е годы, например, ван Дейком, наш анализ концепций должен, в первую очередь, выявить макроструктуру подобного дискурса⁶. Однако за этим следует методологическая трудность: как можно рационально сопоставить, обобщить и семантически-понятийно исследовать большое количество текстов? В лингвистике текста уже разработаны методики сопоставления отдельных текстов. Но как можно провести подобный анализ, если переступаются границы текстового единства?

Предлагаемое здесь решение основывается на переносе «принципа Фреге» на дискурсы, а следовательно, и политические дискурсы. Со-

---

нимаются инициативы в области теории дискурса, которые сейчас играют важную роль и в анализе текстов и дискурсов. Компактный и довольно полный обзор различных методов анализа текста и дискурса можно найти в книге Titscher/Meyer/Wodak/Vetter 2000.

⁵ Доступны для исследования эти корпусы только в виде собрания конкретных текстов, т. е. только как корпус для анализа. Это знаковое определение дискурса опирается на общее определение дискурсов, предложенное Буссе и Тойбертом, как «виртуальных тематически взаимосвязанных и/или имеющих взаимные отсылки корпусов». Busse/Teubert 1992:4. Понятие «дискурс» явно многозначно. Краткий обзор различных значений см. в: Рассошенко 2003.

⁶ Макроструктуры дают семантическое представление о глобальной связи и значении текстов, находящееся на более высоком уровне в качестве значения единственной пропозиции. То есть большое количество пропозиций может образовать единицу значения на глобальном уровне. Согласно ван Дайку, любая макроструктура должна отвечать тем же требованиям семантической коннекции, что и микроструктура, т. е., к примеру, связывать пропозиции условно или причинно (ср. van Dijk 1980:42 и след.).

гласно этому принципу, значение сложного высказывания рассматривается как функция от значений его частей и способа их соединения, т.е. их структурного соотношения⁷. Политические дискурсы, также как и сложные слова, предложения и тексты, являются комплексными высказываниями, языковыми единствами, а значит, они тоже должны подчиняться принципу Фреге, как и остальные комплексные высказывания.

Таким образом, исходным пунктом метода служит выявление концепций, лежащих в основе дискурса с помощью *выявления его элементов и структур*. Если мы сможем свести некий дискурс до его важнейших элементов и реконструировать их структурные взаимоотношения, то мы выясним и его значение, политические концепции, которые он содержит.

Основная идея *практического* применения метода состоит в том, что некое множество текстов, относительно герметично выражающих определенную концепцию, в принципе может быть сведено к одному единственному тексту, содержащему все важнейшие семантические элементы всего корпуса.

Для этого надо составить список цитат, который бы содержал все части концепции в гораздо меньшем объеме. Этот «дистиллят» должен отвечать требованию содержания всех важных компонентов концепции определенной личности по определенной теме в наиболее краткой форме.

После составления такого корпуса следует анализировать когеренции (англ. coherence, нем. Kohärenz) корпуса, т.е. из «продистиллированного» материала необходимо выявить взаимоотношения его элементов и таким образом общую концепцию по исследуемой теме⁸.

Прежде чем обратиться к подробному обсуждению этих шагов, следует оговорить сразу возникающие возражения: имеет ли смысл выяснять политические концепции, сводя речи политиков к небольшому количеству цитат и затем подробно их исследуя? Не воспринимаются ли при этом высказывания политиков слишком серьезно, нет ли риска впасть в мелочное буквоедство?

Тексты, конституирующие политические дискурсы, отличаются, как правило, высокой степенью публичности и фиксированности темы, а также языкового планирования. Таким образом, они даже в устной форме составляют противоположность обычному «устному языку»⁹.

---

⁷ Бартч и Веннеманн формулируют этот принцип так, что «интерпретация высказывания является функцией интерпретаций его частей» (Bartsch/Vennemann 1980:66).

⁸ Для большей ясности эти два шага будут здесь рассмотрены по отдельности, на практике же они постоянно переплетаются.

⁹ Устный язык в целом характеризуется низкой степенью языкового планирования и вербализации. Это обусловлено диалогическим характером, ситуативной близостью,

Любое политическое речевое действие, любой дискурсивный акт политических актеров, будучи даже незапланированным и промежуточным, рассматривается политическими противниками как запланированный. Поэтому любой политический дискурсивный акт *считается* в очень большой степени запланированным – не важно, «субъективно» это в каждом случае или нет. Конечно, любой политический актер знает об этой особенности политического языка, когда принимает участие в политической коммуникации. Эту особенность следует понимать как «правило образования» (в смысле Фуко) политических высказываний. Поэтому политические высказывания авторитетных актеров, акты политического дискурса, могут быть проанализированы гораздо точнее, «дословнее», чем другие высказывания.

Второе возражение, которое следует оговорить, состоит в следующем: не может ли такой подход вести к аналитическому произволу? Ведь, суть анализа состоит в процессах *деконструкции* и целесообразной *реконструкции* дискурса. Найденные цитаты при этом сознательно вырываются из их контекста, насколько это допустимо без искажения их смысла. Но возникающий при таком подходе эффект отчуждения *не* следует поэтому рассматривать как аналитический «регресс».

Чтобы выполнять свои функции, политический язык, во-первых, совершенно целенаправленно пользуется общепринятыми, политисторическими и социокультурными «данностями». При этом получается, что многое в политике остается высказанным лишь имплицитно¹⁰. Также важна высокая степень неопределенности высказываний, которая тоже позволяет многим согласиться с автором, несмотря, или как раз потому, что его политическая концепция выражена не совсем определенно и ясно¹¹. Но, несмотря на эту «популистскую туманность» политического языка, политик при этом вынужден одновременно транспортировать идеи, которые можно идентифицировать именно с ним (или его партией) и (что еще важнее) с его политикой, таким образом отличаясь от своих конкурентов. Поэтому, в политическом языке доминирует «транспортируемое – но не высказанное».

Эти особенности политического языка не только наводят на мысль о применении лингвистических методов, но и обосновывают метод деконструкции политического дискурса с открывающейся затем воз-

---

непостоянством высказываний и тем обстоятельством, что языковое выражение не является единственным носителем информации.

¹⁰ Например, Эдельман говорит: «Политик может более убедительно нарисовать картину реальности, если он имплицитно вводит ее в свою манеру речи, а не высказывает открыто» (Edelman 1980:41).

¹¹ Дикманн подчеркивает неопределенность политических понятий. Он исходит из их абстрактности, сложности, нечеткости, относительности, многозначности и говорит об идеологической полисемии. Ср. Dieckmann 1980.

возможностью его реконструкции. Таким образом можно «разогнать языковой туман» и эксплицировать «транспортируемые – но не высказанные» политические концепции. Цитаты при этом и теряют свою риторическую «защиту» окружающего их текста и позволяют увидеть элементы значения как таковые.

Особенно важны при этом высказывания актеров, кажущиеся на первый взгляд нелогичными. Они дают деконструкции точку опоры, зацепку для взлома исходного корпуса. Часто бывает, что кажущиеся или действительные противоречия и бессмыслицы получают смысл только в реконструированной зависимости.

Итоговый реконструкт, как правило, «логичнее», чем отдельные высказывания сами по себе, теперь его напрямую организуют мотивирующие текст концептуальные связи. Не исключено также, что в результате анализа не выявятся никаких структурных взаимосвязей или только незначительные. Это будет свидетельствовать о том, что нет и политической концепции.

Ниже будет сначала подробнее освещен процесс выявления элементов дискурса, а затем мы более детально опишем анализ его внутренних взаимосвязей.

Составление корпуса для анализа.

Целью данного этапа является воспроизведение структуры дискурса с помощью цитат из оригинала. Средствами для этого являются: а) поиск соответствующих текстов, б) сокращение их до отрывков текста, важных для постановки вопроса и в) их упорядочение. Эти шаги должны в процессе анализа постоянно повторяться заново. Средством для этого служит первичный анализ (упорядочение, сокращение, новый поиск недостающих частей, последующее распределение отдельных цитат). При этом образ действия похож на тот, который ван Дейк с помощью понятия «макроправила» предлагает для анализа текстов¹².

а) Сначала целью является нахождение всех текстов, важных для выявления концепции определенного лица или группы лиц по определенной теме. Итогом этого этапа является корпус для предварительного анализа. Как можно понять из приведенного выше определения политического дискурса, первым критерием сопоставления текстов является их тематическая принадлежность. Однако на деле разграничение дискурсов происходит с помощью целого ряда вневлигвистических парамет-

---

¹² Согласно ван Дейку, макроправила позволяют выявить макроструктуры. Он причисляет к ним следующие правила: пропуск, селекция, генерализация и конструкция. Макроправила делают возможным методически обоснованное разделение главного и второстепенного при обобщении текстов (ср. van Dijk 1980:49 и след.). Здесь похожие правила служат для составления корпуса для анализа.

ров. При ограничивающем применении этих параметров определяется объем текстов, входящих в «виртуальный корпус» дискурса. К ним можно отнести¹³:

- * параметры, связанные со спецификой говорящего – это могут быть как политические, так и группы по интересам, а также отдельные актеры).
- * временные параметры – ограничение временных рамок исследования должно находиться в разумной связи с темой и с интертекстуальными связями текста.
- * медиальные параметры источника информации – исследование может быть ограничено только публикациями в интернете, выпусками новостей разных телекомпаний и т.д. (при этом могут быть исследованы также и дискурсивные особенности источника).

Выбор анализируемых актеров и временных рамок подвергается постоянному пересмотру в процессе работы, т.е. служит одновременно и результатом, и предпосылкой для дальнейшего анализа. Ведь выбор наиболее подходящего для исследования круга лиц и временного промежутка всегда зависит от данных, уже выявленных в результате анализа материала. Так, например, может оказаться, что после определенного периода времени больше не появляется релевантных высказываний или что следует привлечь к исследованию дополнительных актеров.

Из всего объема текстов выделяются отдельные точки зрения или тексты о тех событиях, которые можно назвать «дискурсивными событиями». Они связывают дискурс с его историей и процессом его изменения. В качестве примера подобного дискурсивного события Йегер называет события в Чернобыле в 80-е годы прошлого века (Jäger 2001a: 47). Веллер в своей статье о построении сообщений немецких СМИ в первые часы после терактов 11.09.2001 называет атаку на ВТЦ в Нью-Йорке дискурсивным событием (Weller 2002). Однако далеко не всегда дискурсивные события должны иметь такой драматичный характер. Так в отношении дискурса о российском федерализме как дискурсивное событие может быть интерпретировано телевизионное обращение президента Путина зимой 2000 года. Оно представляет собой поворотный пункт российской дискуссии о федерализме¹⁴. Этот пример хорошо показывает, что дискурсивное событие совсем не обязательно происходит из внеязыковой среды.

---

¹³ Это представление базируется на идее «дискурсивного куба» Юнга, который, однако, в качестве аспектов дискурса называет области общения, виды текста и частные дискурсы. Ср. Jung 1996.

¹⁴ Путин 2000а. Это обращение нашло отклик у широкой общественности, ему уделили много внимания в выпусках новостей на ОРТ и НТВ, а также в большинстве ежедневных газет, большое количество политических комментариев прямо его касалось.

Формально, насколько позволяют технические средства, дискурсивные события можно выделить по относительной частоте использования определенных слов, связанных с темой, в рассматриваемый период в СМИ¹⁵. Например, в первом случае это могут быть слова «Чернобыль», «АЭС» и др.

В отличие от приведенных сравнительно «безличных» примеров при определенных темах выбор круга исследуемых лиц может приобретать большое значение. В случае современного российского дискурса о федерализме в центре внимания оказываются высказывания российского президента – он является актером-инициатором, стремился к изменению федеральной структуры страны и в первую очередь включился в господствовавший тогда дискурс о федерализме. В качестве временного периода для исследования наиболее подходящий отрезок – первые два года президентства Путина, ведь в это время могли быть введены решающие новшества в рассматриваемой области.

При поиске могут и должны быть по максимуму использованы возможности интернета и компьютерной поддержки исследования. Следует использовать все возможные способы систематического поиска, его ограничения и расширения и т. д.

При этом наибольшее значение после комбинации имен исследуемых актеров/групп актеров и исследуемой темы имеют соответствующие политические ключевые слова¹⁶. Здесь важен критерий повторяемости. Наиболее часто встречающиеся формулировки, метафоры и т. п. свидетельствуют о том, что говорящий придает особое значение передаче выраженной мысли, что здесь убеждение публики особенно важно для него. Следовательно, корпус для анализа должен содержать именно такие повторяющиеся фигуры. Если эти ключевые слова нам уже известны, можно здесь это знание применить. При чтении найденных отрывков мы найдем и другие искомые слова, которые могут оказаться релевантными политическими ключевыми словами, такими как в примере с российским дискурсом о федерализме «вертикаль власти» или

¹⁵ В случае с российским политическим дискурсом большие возможности частотной организации материала по четко ограниченным промежуткам времени дают такие базы данных, как, например, «Интегрум», которая предлагает также онлайн-словарь. Эти временные промежутки также помогают при дальнейшем поиске как ограничивающий или уточняющий фактор для временных параметров исследуемого дискурса.

¹⁶ Политическое ключевое слово – это нацеленное на общественное воздействие, часто зависимое от идеологии и оценочное выражение, с которым связываются политические концепции. Ср. Knobloch 1998. В качестве актуальных примеров для Германии лингвистический словарь Метцлер приводит следующие: «Bündnis für Arbeit» («союз за работу», в связи с сокращением социальных трансфертов и снижением уровня зарплат) или «Luftschlag» («воздушный удар» и также «удар по воздуху», в связи с войной с Югославией) (Metzler Lexikon Sprache, „Schlagwort“, с. 604). Про актуальные для России политические ключевые слова ср. Spraul 1998.

«единое пространство». Среди окружения найденных отрывков ведется поиск других ключевых слов, которые могут иметь значение для раскрытия искомой концепции. При этом необходимо выяснить семантические аспекты ключевого слова, в первую очередь с помощью коллокации (в примере с федерализмом речь может идти о «едином политическом, правовом, экономическом или финансовом пространстве»).

б) Редукция до релевантных для исследования отрезков текста. Цель данного этапа – выявить как можно меньшее количество отрывков текста, передающих все важнейшие элементы дискурса и тем самым наиболее полно – стоящую за ним концепцию. Для этого используются наиболее насыщенные цитаты. Интуитивные решения играют при этом важную роль. Однако более-менее формальный критерий мог бы быть полезен.

Из опыта известно, что «темные места», высказывания, значение которых не ясно с первого взгляда и которые особенно нуждаются в пристальном анализе, оказываются наиболее содержательными. Это может объясняться большой эмоциональностью (намеренной или ненамеренной) или особенно сильной противоречивостью (и то, и другое указывает на релевантность цитат). Как правило, это те места в тексте, в которых особенно часто встречаются метафоры, фреймы, пресуппозиции, пропозициональные противоречия или слабые места с формально-логической точки зрения (тавтологии, плеоназмы, и т. п.) – или слабая связность текста. В процессе работы выяснилось, что как раз такие темные места в корпусе могут быть наиболее плодотворны для исследования. Они дают указание на искомые наиболее насыщенные цитаты.

Чтобы теперь сократить найденные цитаты до минимума, следует разбить и разложить отрывки текста по подтемам, чтобы потом уже эффективно удалить лишнее и исключить избыточные места, повторяющиеся аргументации и т. д. При этом выборе следует всегда отдавать предпочтение более насыщенным цитатам¹⁷.

Важным требованием к цитатам является их связность с другими цитатами. Отрывки текста должны рационально вписываться в целое дискурса – это главное требование реконструкции. Формально это требование может быть выражено так: любой отрезок текста должен быть дискурсивно связанным как минимум с еще одним отрезком (дискурсивная когеренция, см. ниже), в противном случае следует найти новые тексты или исключить данный текст из корпуса.

---

¹⁷ Найденные в проведенном анализе отрывки сначала имели как правило объем от одного до трех абзацев и тематически распространялись на много подтем. Обычно выявленные и сокращенные до необходимого минимума цитаты были больше одного предложения, но меньше абзаца (чаще всего – 2-3 предложения, иногда с сокращениями).

Этот критерий одновременно и выполняет роль страховки против переинтерпретации отдельных цитат – ведь если высказывание логически вписывается в ряд других, то (учитывая указанные выше особенности политического языка) с достаточно высокой степенью уверенности можно утверждать, что эта цитата – не «ляпсус», а выражение части действительно стоящей за дискурсом концепции.

Шаги а) и б) следует повторять, пока корпус не будет полон. Полным же его можно считать, когда новые отрывки текста не вносят дополнительных подтем или содержательно-концептуальных результатов, т. е. каждая новая цитата ведет только к избыточности.

в) Упорядочение, при котором когерентные между собой элементы ставятся как можно ближе друг к другу. Как при соответствующем тема-рематическом членении, цитаты внутри одной подтематической единицы должны давать более точное определение упомянутого, но объясненного подробнее в предыдущей цитате предмета, давать разрешение пропозиционального противоречия, и т. п. То же самое можно сказать о макроструктурах, упорядочивающих группы цитат. В результате получается упорядоченный, окончательный вариант корпуса для анализа, включая предварительное членение на основополагающие категории дискурса и их аспекты (см. также ниже)¹⁸.

Это упорядочение цитат, а также их распределение по основополагающим категориям дискурса и их аспектам в основном уже является результатом анализа содержания корпуса и будет освещено подробнее в следующем параграфе. Ведь именно упорядочение цитат предполагает знание их содержания и их структурных взаимоотношений, т. е. результатов анализа. Так что, строго говоря, корпус оказывается только тогда действительно и окончательно составлен и упорядочен, когда анализ завершен.

Анализ корпуса

Целью анализа является дешифровка корпуса, т.е. анализ значения и внутренних связей релевантных цитат. Средством для этого служит лингвистический анализ отдельных цитат «конвенциональными» средствами анализа текста, в частности: анализ пропозиций, исследование

---

¹⁸ Например, в случае российского политического дискурса о федерализме из всего корпуса речей, выступлений и т. д. президента Путина в промежуток времени с 21.01.2000 по 12.11.2001 (всего 359 текстов) было найдено 64 текста с высказываниями на тему российского федерализма. Шаги б) и в) привели к созданию готового для анализа корпуса. Из оставшихся 28 текстов, наиболее соответствовавших теме и позволявших полно и точно описать президентскую концепцию федерализма, была выбрана 61 относительно короткая и насыщенная цитата. Их упорядочение не соответствует хронологии исходных текстов, и отрывки из одного и того же текста находятся в измененном порядке вперемешку с цитатами из других текстов.

метафорики, пресуппозиций, импликатур, и т. д., а также анализ стиля и прагматики.

Ниже мы кратко опишем основные особенности исследования цитат методами анализа текста, чтобы показать, как в конце концов может быть проведена реконструкция структуры концепций.

г) Исследование цитат.

Точный анализ найденных цитат может быть проведен в форме постоянной постановки продолжающих друг друга вопросов к корпусу и нахождения ответов в нем же: исследуются более точные содержательные свойства каждой фразы и каждого понятия, оказывающихся в процессе анализа центральными. Эти свойства могут быть выяснены, в первую очередь, через их когерентность (англ. coherence, нем. Kohärenz).

С помощью понятия когерентности можно выяснить и структурные отношения частей политического дискурса. Таким способом могут быть объяснены и высказывания, содержащиеся в речи не эксплицитно. Как уже было сказано, при анализе политических текстов это особенно важно. Таким образом, можно сказать, что решающим параметром при точном анализе корпуса (как и в лингвистике текста), выступает когеренция.

Так как речь здесь идет лишь виртуально об одном тексте, в реальности же – о субстрате целого ряда текстов, здесь нельзя говорить о формальной связности, о когерентности *текста*. Вместо этого мы предлагаем говорить о *дискурсивной когерентности*. Как и когерентность текста, она основывается на сети изотопии, на рекуррентности признаков, но распространяется на превосходящее текст единство дискурса.

Анализ когерентности при этом выявляет «скрытые» связи высказываний политиков. В нашей работе это играет особо важную роль из-за уже упомянутой склонности политических актеров к туманности и имплицитности высказываний.

Дискурсивная когерентность связана с уровнем политической концепции, содержащейся в различных высказываниях (даже различных актеров), имеющих различных адресатов и появившихся в разное время в различных СМИ.

Непосредственно на поверхности текста нет формальной связи, напротив, анализ освобождается от «материальных» временных и текстуальных линейно организованных связей высказываний, концентрируясь на когнитивно организованном, логически когерентном уровне концепции. Поэтому интертекстуальная формальная связность (англ. coherence, нем. Kohärenz) практически не имеет значения в предложенном здесь анализе дискурса.

Дискурсивную когерентность, так же как и текстуальную, можно разделить на семантическую, риторико-стилистическую и прагматическую. На первом плане находятся семантическая когерентность. Семантические связи рассматриваются не только в отношении отдельных слов, но и фразеологизмов и частей предложений. Она реализуется через семантические отношения, такие как гипо- и гиперонимия, синонимия, антонимия, комплементарность, импликация и пресуппозиции, а также через метафорическую когерентность. Некоторые семантические связи можно хорошо определить с помощью концептов «фрейм» и «сценарий»¹⁹.

Для выявления семантических связей различных элементов дискурса, в первую очередь, выраженных метафорически, при анализе метафорической когерентности полезными оказываются систематизирующие подходы, такие как метод Лакоффа/Джонсона. Метафора может быть систематически объяснена с помощью других метафор, подчиненных ей и подчеркивающих связи с отдельными частными свойствами предмета. Когерентность важна для соединения всех частей метафорической структуры внутри концепта, а также для включения концептов в превосходящие их более сложные структуры. (О метафорической когерентности см. Lakoff/Johnson 2000: 87-105)²⁰.

В аналитической практике наиболее важным оказалось исследование импликаций, пресуппозиций и импликатур. Импликации представляют собой связки двух высказываний с помощью оператора «если – то»²¹. Пресуппозиции также позволяют говорящему включить в выска-

¹⁹ Как социальный фрейм следует понимать, например, путинскую характеристику главы региона как «первого секретаря» – этим он касается в разговоре с губернаторами общего политического опыта советского периода (через гипонимную оппозицию с «полновластный хозяин на своей территории», здесь с положительной коннотацией, Путин 2000с). В другом месте, однако, Путин критикует метафорическое обозначение губернатора как «царь» (с отрицательной коннотацией, Путин 2000б). Такие кажущиеся противоречия должен объяснить точный анализ.

²⁰ Так, например, в дискурсе о федерализме нынешний российский президент метафорически называет «государство» «машиной»: «Нам нужно создавать систему, которая просто функционировала бы как машина вне зависимости от наших с вами личных и деловых качеств [...] машина должна функционировать и должна действовать эффективно для всего общества в целом и для отдельных регионов в частности» (Путин 2000с). В другом месте Президент называет «закон» «инструментом»: «Ведь государство – [...] это прежде всего закон, это конституционный порядок и дисциплина. Если *эти инструменты* слабы, то слабо и государство, или его попросту нет» (Путин 2000а). Исследование высказываний президента, связанных с такой метафорикой, дало следующую картину: чтобы «инструмент» «государственной машины» – закон – «имел силу», должен существовать «механизм» для трансмиссии силы инструмента. (Например: «А почему не исполняется [закон, Я.Ф.]?» «А потому, что нет механизма, который бы заставлял исполнять» (Путин 2000с).) Налицо метафорическая когерентность. Подробный анализ см. в Fruchtmann 2003:134-147.

²¹ При импликации аподосис перевешивает протасис по своему истинностному значению. Большую помощь для точного выяснения семантических связей могут оказать

зывают положение вещей и обстоятельства дела, не эксплицируя их. Понятие пресуппозиции служит в лингвистике текста для определения и объяснения функций внеязыковых знаний в конституции текстовой когерентности. В прикладном анализе политического дискурса оно служит для исследования многозначных или «неопределенных» комплексных высказываний и для выявления связей²².

Области прагматической когерентности явно принадлежат имплицатуры (также речевые имплицатуры, т. к. они основываются на общепринятом значении языковых выражений)²³. Имплицатуры представляют собой важное средство анализа когерентности политических текстов, т. к. они позволяют неопределенность в выражениях и одновременно могут иметь высокую степень эмоциональности или силы риторического воздействия.

Речевые акты с их различными иллокуциями также могут давать дискурсивную когерентность. В политическом языке повышенную роль играют директивные речевые акты, такие как побуждения²⁴. Особо важен речевой акт угрозы²⁵. Если политическая концепция некоего актера содержит угрозы, побуждения и т. д., то они могут быть выражены разными языковыми средствами. Задачей анализа является вос-

---

формально-логические тесты. Так, асимметрия импликации запрещает менять местами протасис и аподосис (тест на асимметрию, * «если b, то a»).

²² Так называемые знаковые пресуппозиции разделяются на референциальные и семантические. Оба типа связаны с эксплицитными элементами текста, даже не будучи эксплицированными (референциальная пресуппозиция означает, что обозначенный в референциальной части высказывания предмет также существует). Их можно однозначно определить с помощью тестов: Если условие действительно и тогда, когда высказывание отрицается, то это пресуппозиция. Узуальная (или «прагматическая») пресуппозиция не свойственна никакому отдельному выражению и образует переходную категорию между семантическим и прагматическим типами когерентности. Когерентность возникает здесь, если два или более синтаксически и по содержанию не связанные прямо друг с другом значения могут быть коммуникативно осмысленно связаны друг с другом на основе не реализованных в тексте, обращающихся к «общему знанию» мысленных промежуточных шагов. Таким образом прагматические пресуппозиции могут давать когерентность, но при этом они требуют особой тщательности анализа из-за слабой формальной связности. Ср. Linke/Nussbaumer 1988.

²³ Если при импликации аподосис по своему истинностному значению влияет на протасис, то при имплицатуре это не так, т. к. тогда истинность имплицированного аподосиса важна не для истинности выраженного протасиса, а для его коммуникативного соответствия. Имплицатурный тест поэтому невозможен. (Ср. Grice 1975, S. 41-56. Более актуальный обзор в Kemmerling 1991).

²⁴ То есть иллокутивные акты, общей чертой которых является то, что слушающий должен быть побужден говорящим к некоему действию (или к избеганию некоего действия), например, просьбы, приказы, требования (ср. Searle 1982:45).

²⁵ Писаркова описывает способ его функционирования в политической коммуникации вне зависимости от других побудительных актов, таких как обещание или предупреждение. Ср. Pisarkowa, Krystyna. Androhung als Sprechakt – Versuch einer Stellenwertbestimmung. // Sandig, Barbara (Hg.) Stilistisch-rhetorische Diskursanalyse. Tübingen, 1988, S. 75-86.

становление связей между такими разнообразными языковыми высказываниями.

В области стилистической когерентности для анализа политических дискурсов наиболее важны те, которые лежат на границе формы и содержания, где говорящий способом своего высказывания может выдать что-то о своем отношении к адресату. Так, например, стиль речи Путина иногда отличается сильной модальностью при слабой персональности — этот момент позволяет установить когерентность между стилистически таким образом маркированными элементами. Наконец, стилистическая когерентность может быть выражена в форме повторяющихся или похожих риторических фигур и часто образует пересекающиеся массы с различными видами семантической когерентности²⁶. Однако, как правило, стилистические когерентности только помогают раскрытию семантических, обычно они не конституируют самостоятельно элементы политической концепции.

В результате анализа постоянно появляются и указания на непосредственную связь высказываний с общим контекстом дискурса. Стремление заново наполнить политически или переосмыслить некое понятие можно часто увидеть уже в тексте самом по себе, еще до того, как станет известно, как оно наполнялось ранее. Для анализа таких явлений подходит классификация, предложенная Клейном в статье о политической метафорике «наполнения понятий» (нем. Umbesetzung). Он подразделяет политическую конкуренцию понятий на а) концептуальную конкуренцию через введение новых понятий, б) конкуренцию определений через пристрастную предикацию, в) дескриптивную конкуренцию значений через изменение значений, г) деонтическую конкуренцию значений через переоценки и д) конкуренцию через использование коннотаций. (Ср. Klein 1989a. Примерно то же можно найти в его же статье 1989b).

д) Реконструкция структуры концепций.

Составными частями политического дискурса, используя метод описания дискурсов Юргена Линка, могут быть названы, в первую очередь, так называемые основополагающие категории дискурса (нем.: „diskurstragende Kategorie“, Link 1997: 15). Но для прикладного анализа политических дискурсов такое членение еще очень приблизительно. В процессе анализа выяснилось, что основополагающие категории дискурса подразделяются на различные аспекты, которые в свою очередь определяются элементами дискурса. Как наименьший фрагмент дискур-

²⁶ Риторические фигуры понимаются здесь как «отклонения от прямого, гладкого и плоского способа выражения, [...] Фигуры понимаются как выражение движения, аффектов, жизни. В формализованном риторическом искусстве в виде они составляют репертуар способов и процессов, служащих для оживления каменного (а именно — логических понятий) или для актуализации в новой форме окаменевшего». (Ueding/Steinbrink 1994:276).

са, выражающий политическую концепцию, можно в итоге выделить дискурсе, из которых они и состоят.

При анализе должны быть в первую очередь выявлены основные семантические аспекты, организующие дискурс, которые Линк назвал «основополагающими категориями дискурса». Линк определяет основополагающие категории дискурса следующим образом:

«Основополагающие категории дискурса – это такие категории, при удалении которых из дискурса, если, так сказать, втянуть их из дискурса, как стальной каркас из бетонной конструкции, данный дискурс не выдержит и развалится, как карточный домик. Под такими категориями следует, как правило, понимать не изолированные отдельные слова, а целые семантические комплексы, включая их связь с практикой, что опять же сравнимо с перекрестными стальными конструкциями в бетоне» (Link 1997: 15).

Таковыми «семантическими комплексами» рассматриваются при анализе одновременно и важные категории, делящие выявляемые концепции по содержанию и тематике, а также прямые языковые цитаты, ключевые слова, вокруг которых группируются существенные части концепций. Это довольно надежно действует в случае политического языка, т.к. такие ключевые слова, как правило, создаются целенаправленно и должны ассоциироваться с важными и характерными чертами политических концепций актеров (как например, в путинском дискурсе о федерализме: «единое пространство», «вертикаль власти», «диктатура закона» и «система межбюджетных отношений»).

Метафорическое описание Линка может быть дополнено формальными критериями. Так, изучение дискуссий в СМИ ведет к ясному выделению основополагающих категорий дискурса, т.к. общественность касается их метадискурсивно – эксплицитно или имплицитно. Эксплицитные метадискурсивные связи состоят в использовании определенных ключевых слов в кавычках и/или с указанием на политического актера, с которым они связываются, и/или с объяснениями типа «концепция/план/стратегия/цель персоны X по проблеме Y». Многие комментаторы актуальных политических событий в России используют, например, выражение «...путинская «вертикаль власти»...», ставя это выражение в кавычки – это явное указание на эксплицитную дискурсивную когерентность.

Целью дальнейшего анализа является объяснение, как устроены основополагающие категории дискурса, как они оформлены содержательно и подтематически, как структурированы их аспекты и элементы.

В отличие от основополагающих категорий дискурса их аспекты не обязательно представляют собой цитаты (как в выше приведенном примере), они не обязательно связаны с ключевыми словами и могут быть

выдвинуты исследователем в качестве «подпунктов» его анализа. В нашем примере разграничение аспектов ясно подтвердилось в результате анализа, т. к. они на самом деле демонстрировали высокую степень дискурсивной когерентности.

Аспекты основополагающих категорий дискурса в свою очередь складываются из отдельных обобщающих комплексов фраз, которые мы называем элементами дискурса. Содержание элементов дискурса и их отношение друг к другу образуют структуру аспектов основополагающей категории дискурса и являют собой ядро результатов аналитической работы.

В свою очередь элементы дискурса состоят из дискурсем, т. е. наименьших дискурсообразующих единиц значения, но они, как правило, сами по себе недостаточны для образования целого элемента дискурса. Каждая дискурсема должна быть верно доказуема/выводима при помощи как минимум одной цитаты и иметь вид простого предложения, по возможности, с единственной (как можно более простой) пропозицией²⁷.

С целью исследования согласуется стремление формулировать как можно более простые, краткие, безличные фразы, чтобы они по возможности имели форму $A=B$, и которые на самом деле годятся для снижения сложности, неопределенности и иллюкативной силы политического языка.

Перспективы исследования

Когда таким образом выявлены элементы и структура политического дискурса одного актера (или более-менее гомогенной группы актеров, как, например, актеров определенной партии), могут быть составлены систематические отношения к высказываниям других актеров или групп актеров. Самые интересные группы тут состоят из актеров второго плана – т. е. из пострадавших от политики актера-инициатора, или целевой группы его действий (в случае реформы федерализма, например, это прежде всего были губернаторы, в случае реформы банковской системы это были бы банки и т. д.). При анализе высказываний этих актеров второго плана применяется тот же описанный выше метод.

Разложение дискурса актера-инициатора на его различные структурные элементы, связанные с определенными политическими ключевыми словами, позволяет описать дискурсивные стратегии актеров второго плана в их интертекстуальном отношении к актеру-инициатору.

---

²⁷ Примером такого элемента дискурса из политического аспекта «единого пространства» может быть: «Элемент 2: а) стремление к субфедеральному суверенитету не допускаются ни при каких обстоятельствах; б) суверенитет – эксклюзивное верховенство; в) только российское государство, в лице федерального уровня власти, имеет право на суверенитет». В следующем можно сослаться на цитаты, из которых был выделен этот элемент дискурса. Предложение а)-в) являются дискурсемами.

При этом следует развернуть материал – особенно если актер-инициатору удалось добиться гегемонии в дискурсе – по различным вариантам точек зрения на каждую основополагающую категорию дискурса. Так в разобранном примере с российским дискурсом о федерализме можно наблюдать среди губернаторов разброс стратегий от полного согласия до абсолютного отрицания. Таким способом можно однозначно установить, мог ли актер-инициатор завоевать гегемонию в дискурсе или нет.

Различные стратегии дискурса позволяют, наконец, составить типологию актеров второго плана. В нашем примере, к типу «оппортунистов» относятся губернаторы, следовавшие стратегии полного согласия с дискурсом президента или полного согласия с некоторыми уступками, вплоть до следовавших стратегии опережающего повиновения. К типу «готовой к переговорам оппозиции» относились губернаторы со стратегиями ориентированного на согласие противоборства, готового к переговорам отрицания, или ориентировки на предшествующий статус кво. К «оппозиции» относились губернаторы, нападавшие на отдельные элементы дискурса, чтобы дать отпор их прагматике или возразить против уже проведенных политических мероприятий, а также губернаторы, придерживавшиеся оппозиционной стратегии из разочарованной лояльности. К «всеотрицающим», наконец, относились губернаторы со смешанной стратегией готового к переговорам отрицания, стратегией полной или несмягченной оппозиции, вплоть до отдельных губернаторов, придерживавшихся стратегии полного отказа. Точки зрения губернаторов имели в каждом случае различный центр тяжести по отношению различных основополагающих категорий дискурса, типичные также для их поражения или интересов.

Таким образом, описанным здесь методом можно методически обоснованно и конкретно описать дискурсивные связи, переплетения текстов и их взаимодействие в общем политическом процессе.

Л и т е р а т у р а

1. Bartsch R. / Vennemann T. (1980): Sprachtheorie, in: Althaus, H. P. / Henne H. / Wiegand H. E.: Lexikon der Germanistischen Linguistik, Tübingen, S. 57-82.
2. Busse, Dietrich / Teubert, Wolfgang (1992): Antrag auf Einrichtung einer AG Diskursgeschichte / Begriffsgeschichte. Methodenproblem und Fallstudien, in: Bulletin der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft 35/1992.
3. Dieckmann, Walther (1980): Sprache in der Politik, in: Greiffenhagen, M. (Hg.): Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit, Bonn, S. 47-65.
4. Edelman, Murray (1980): Politische Sprache und politische Realität, in: Greiffenhagen, M. (Hg.): Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit, Bonn, S.39-46.
5. Fruchtmann, Jakob (2003): Der russische Föderalismus unter Präsident Putin: Diskurse – Realitäten, Bremen. Оubl. в интернете: http://elib.suub.uni-bremen.de/publications/dissertations/E-Diss537_Fruchtmann.pdf.

6. G. Ueding, G. / Steinbrink, B. (1994): Grundriß der Rhetorik, Stuttgart.
7. Gramsci, Antonio (1983): Marxismus und Kultur. Ideologie, Alltag, Literatur, Hamburg.
8. Grice, H. P. (1975): Logic and conversation, in: Cole, P. / Morgan, L. (Hrsg.), Syntax and semantics, Bd. 3: Speech acts, New York, S. 41-56.
9. Hartwich, H. H. (Hrsg.) (1985): Policy-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland, Opladen.
10. Jäger, Siegfried (2001a): Discourse and Knowledge. Theoretical and methodological aspects of a critical discourse and dispositive analysis, in: Wodak, Ruth / Meyer, Michael (Hg.): Methods of Critical Discourse Analysis, London, S. 32-62.
11. Jäger, Siegfried (2001b): Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse, in: Keller, Reiner et al. (Hrsg.): Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 1: Theorien und Methoden, Opladen, S. 81-112.
12. Jung, M. (1996): Linguistische Diskursgeschichte; in: Böke, K. / Jung, M. / Wengeler, M. (Hrsg.): Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven, Opladen, S. 453-473.
13. Kemmerling, A. (1991): Implikaturen, in: Stechow, A. von / Wunderlich, D. (Hrsg.): Semantik/Semantics. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. An International Handbook of Contemporary Research, Berlin, S. 319-333.
14. Klein, Josef (1989a): Kann man „Begriffe besetzen“? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher, in: Liedtke, Frank / Wengeler, Martin / Böke, Karin (Hg.): Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik, Opladen, S. 44-70.
15. Klein, Josef (1989b): Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik, in: Klein, Josef (Hg.): Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung, Opladen.
16. Knobloch, C. (1998): Politische Kommunikation, Tübingen.
17. Laclau, Ernesto / Mouffe, Chantal (1995): Hegemonie und radikale Demokratie. Zur Dekonstruktion des Marxismus. Wien.
18. Lakoff, George / Johnson, Mark (2000): Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern, Heidelberg.
19. Link, Jürgen (1997): Versuch über den Normalismus, Opladen.
20. Linke, Angelika / Nussbaumer, Markus (1988): Kohärenz durch Präsuppositionen?, in: Der Deutschunterricht 6/1988, S. 29-53.
21. Pisarkowa, Krystyna (1988): Androhung als Sprechakt – Versuch einer Stellenwertbestimmung, in: Sandig, Barbara (Hg.): Stilistisch-rhetorische Diskursanalyse, Tübingen, S. 75-86.
22. Путин В.В. (2001): Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Государственного совета Российской Федерации, Москва, 22.11.2000, опубли. в интернете: <http://www.president.kremlin.ru/events/105.html> (по состоянию на январь 2001).
23. Путин В.В. (2000а): Телевизионное обращение к гражданам России, 17.05.2000, Москва. Опубли. в интернете: <http://www.president.kremlin.ru/events/34.html> (по состоянию на август 2000).
24. Путин В.В. (2000b): Россия не должна быть и не будет полицейским государством // Известия, 14.07.2000. Опубли. также в интернете: <http://www.president.kremlin.ru/events/46.html> (по состоянию на июль 2000).
25. Путин В.В. (2000с): Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на совещании по вопросам развития Уральского федерального округа, Нижний Тагил, 14.07. 2000, опубли. в интернете: <http://www.president.kremlin.ru/events/49.html> (по состоянию на август 2000).
26. Рассошенко Ж.В. (2003): К вопросу об определении дискурса в современной лингвистике // Язык, Сознание, Коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 86-98.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — 168 с. ISBN 5-317-00981-2

27. Searle, John R.: Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie, Frankfurt a.M. 1982.
28. Spraul, H. (1998): Das politische Schlagwort in der neuen russischen Presse (1995-1997). Zum Sprachwandel in der öffentlichen Rede, in: Zeitschrift für Slawistik 2/1998, S.165-177.
29. Titscher, Stefan / Meyer, Michael / Wodak, Ruth / Vetter, Eva (2000): Methods of text and discourse analysis, London u.a. 2000.
30. van Dijk, Teun A. (1980): Macrostructures. An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction and cognition, Hillsdale, N.J..
31. Weller, Christoph (2002): Die massenmediale Konstruktion der Terroranschläge am 11 September 2001. Eine Analyse der Fernsehberichterstattung und ihre theoretische Grundlage, INEF Report 63/2002 (Institut für Entwicklung und Frieden der Gerhard Mercator Universität Duisburg).
32. Windhoff-Héritier, Adrienne (1987): Policy-Analyse: Eine Einführung, Frankfurt a.M..